

Глава 1. Император хочет перенести столицу (часть 1)

Едва миновал праздник Середины осени, как над императорским дворцом Северной Чжоу закружились пурпурные облака. Священный свет залил небосвод, а в вышине, подобно занесенному мечу, замерли грома девяти небес, словно само мироздание копило силы, готовясь расколоть мир надвое.

Императорское Астрономическое Бюро тут же вынесло вердикт:

— Небеса ниспослали благое знамение, страну ждет великое процветание.

У гражданских и военных чинов на душе заскребли кошки: раз льстецы запели о чудесах, значит, государь снова задумал какую-то дикость.

И действительно, на утреннем приеме монарх, выпустив изо рта облачко мутной ци, провозгласил:

— Желаю перенести столицу в Лоян!

Скажи такое любой другой правитель, и министры тут же набросились бы на него скопом, заплывав весь зал так, что ни одного сухого места не осталось бы. Они бы вмиг растолковали псу-начальнику, что государство — не его личная лавочка, а переезд — дело нешуточное.

Но вот незадача: нынешний владыка Северной Чжоу был признанным мастером по части укорачивания подданных на голову.

Посмеешь брызгать слюной — он заставит тебя брызгать кровью. Придет за одним — вырежет всю семью; доставка карающего меча прямо на дом, сервис по высшему разряду. Поэтому, как бы чиновники ни поносили его в глубине души, на деле они лишь покорно и трепетно приняли этот «горячий картофель».

Но и это было не всё. Государь, прекрасно зная привычку своих подчиненных соглашаться на словах, а на деле вставлять палки в колеса, небрежно бросил в пруд наживку: Внутреннему кабинету было приказано составить два списка — тех, кто отправится в Лоян, и тех, кто останется в Хаоцзине.

Разве это был просто набросок списков? Это было форменное издевательство!

Сановники, поминая правителя недобрым словом, принялись отчаянно сражаться за свои места.

Император объявил: перенос столицы на восток необходим, чтобы держать под прицелом Южную Юй и продемонстрировать решимость Северной Чжоу объединить Поднебесную! Хаоцзин же станет вспомогательной столицей, оплотом тыла и жизненно важной артерией,

которую нельзя оставлять без присмотра.

Служащие в ответ дружно заявили: раз обе ставки так важны, они, разумеется, «совершенно случайно» выбирают Лоян. В конце концов, если не удастся шептать на ухо императору, то придется жевать пыль на задворках империи. Есть поговорка: «издали пахнет слаще», но если это «издали» растянется на тысячи ли, никакой собачий нюх не учует аромата власти!

Так что при распределении мест министры проявили «высокое благородство».

Одни били себя в грудь, клянясь отправиться на неосвоенные земли новой столицы, дабы оставить Хаоцзин — этот цветущий, богатый и изобильный край — своим горячо любимым коллегам. Другие тут же вызывались добровольцами, обещая подать пример и первыми принять на себя все тяготы и лишения переезда.

Обе группы долго и вежливо уступали друг другу дорогу, но, осознав, что противники не собираются сдаваться, мгновенно перешли от слов к делу. Гнев в их сердцах вспыхнул пожаром, а в помыслах родилось коварство...

В эти дни Хаоцзин внезапно захлестнула волна жестоких драк между слугами знатных домов. Каждый участник был не из простых, и когда гвардейцы Цзиньувэй, привлеченные шумом, прибывали на место, они лишь оценивали пышность нарядов обеих сторон и скромно подносили бойцам водичку. Пытаться помирить таких господ — себе дороже выйдет.

Город кипел, словно потревоженный улей.

Однако мир велик, и в нем всегда найдется «соленая рыба», которая ни за что не перевернется на другой бок и предпочтет остаться дома. К таким относился Фу Сиянь, чьим жизненным кредо было: «Пусть ближние мои трудятся в поте лица, а я приму удобную позу и буду пожинать плоды».

До сих пор в семье помнили, как много лет назад он, тогда еще носивший имя Фу Хуньдин, в «почтенном» возрасте пятнадцати лет отирал углы в младших классах семейной школы. Когда он впервые озвучил свой девиз, все присутствующие лишились дара речи. Его отец, Фу Фу, в тот же вечер с потемневшим лицом сменил сыну имя. Не бойся он насмешек, наверняка назвал бы его Фу Безмолвный, Фу Прикуси-язык или Фу Хватит-нести-чушь-а-не-то-вспылю.

Впрочем, надеяться усмирить чей-то характер с помощью имени было делом заведомо провальным.

По сей день Фу Сиянь не выказывал ни малейших признаков немногословности. Даже оставаясь один в комнате, он постоянно что-то бормотал себе под нос.

«Гидро-гели-литий-берил-бор... нитро-окси-фтор-неон... красавица из Гуйлиня оставила

зеленые зубы... накрывать кан слишком хлопотно... все милые и железные... грешное детское сердце... грешное сердце... что же там дальше?»

Поразмыслив немного и так ничего не вспомнив, он нехотя открыл свои детские записи. Под символами водорода, гелия, лития и прочих элементов красовались причудливые фразы-подсказки, составленные по памяти и созвучию.

— А-а, точно! «Выйти замуж в эту глубокую реку и впасть в кому...»

Он посидел в тишине, а затем, хлопнув себя по лбу, прошептал:

«Когда память только вернулась, я помнил всё до мельчайших деталей. А теперь, чем старше становлюсь, тем больше забываю. Эх, хорошо, что я попал в этот мир и не нужно сдавать экзамены. С такими знаниями меня бы даже в техникум не взяли»

Юноша с тихим вздохом закрыл тетрадь.

На обложке кривыми буквами было выведено слово «Chemistry». В его комнату постоянно кто-то заходил, поэтому он не решался писать открыто — главное, что сам понимал.

Слуги, мельком видевшие эти каракули, наверняка принимали их за обычную мазню и не придавали значения.

Он бережно уложил тетрадь в шкатулку с сокровищами, где уже покоились «Math», «Physics» и «English». Знания в них были самыми базовыми, но именно они стали зачатками прогресса в этой империи и его единственным «золотым пальцем» — преимуществом человека двух жизней.

В прошлом воплощении он погиб, спасая человека из воды. С этой заслугой, стоящей возведения семиуровневой пагоды, он переродился побочным сыном главы клана Фу. Уж не знала ли старуха Мэн, что подсунула ему просроченный отвар забвения, но с трех лет к нему постепенно начали возвращаться воспоминания.

Будучи сыном наложницы, он жил вполне сносно.

Его отец, Фу Фу, был старшим сыном в главной ветви рода. После смерти деда, графа Юнфэна, он унаследовал титул и стал главой семьи. С того дня на его челе словно проступили слова: «Любой ценой возвысьте наше имя». Он стал достойным последователем самых суровых традиций и в погоне за престижем поместья не давал спуску даже бастардам.

Именно из-за него уровень счастья Фу Сияня никак не мог достичь максимума.

Его родная мать, наложница Бай, скончалась вскоре после его рождения, не оставив о себе памяти. Госпожа Фу, законная супруга и хозяйка дома, была подобна безупречному управляющему: в поместье царил идеальный порядок, а до остального ей не было дела. Благодаря её холодному профессионализму, наложницы даже не пытались разыгрывать сценарии дворцовых интриг.

Старшая сестра отца, Фу Хойжань, еще в юности вышла замуж за наследника гуна Хайси и уехала с мужем охранять границы. Третий дядя, Фу Сюань, с молодых лет посвятил себя армии, взяв под начало военные силы клана. Сейчас он занимал должность помощника командующего Юйлинвэй, но так и не обзавелся семьей.

Племянник подозревал, что в прошлом генерала Фу таилась какая-то печальная и возвышенная история любви, но отец хранил по этому поводу гробовое молчание.

У Сияня было двое старших братьев — Фу Лиань и Фу Дунвэнь, один законный, другой побочный, и оба были фанатами учебы. Побочная сестра, Фу Сяцин, славилась красотой и нежным голосом. Был и младший брат, Фу Чэньшэн, который только начал обучение, но уже подавал большие надежды.

Вот в чем была беда! Пока братья лезли из кожи вон, родитель всё равно не желал оставить Четвертого в покое. Такое двуличие — самому почивать на лаврах чужих успехов, требуя от сына невозможного — просто не знало границ!

Имелись также многочисленные родственники из боковых ветвей, с которыми отношения не ладились.

Впрочем, такая огромная семья, где в каждом поколении рождалось по трое-четверо детей, среди аристократии Северной Чжоу считалась довольно малочисленной. Неудивительно, что ленивые речи Фу Сияня вызвали у отца праведный гнев. Ведь в любую эпоху разбазаривание скудных ресурсов — дело постыдное!

Молодой человек прекрасно это понимал. Поэтому, когда Фу Фу за ужином в очередной раз поднял тему переезда, Сиянь первым — с видом, исполненным достоинства и патриотизма — заявил, что готов следовать указу императора и остаться в Хаоцзине, дабы охранять тылы великого рода.

В зале воцарилась тишина.

Госпожа Фу невозмутимо поднялась, жестом приглашая наложниц удалиться.

Фу Лиань многозначительно похлопал брата-лентяя по плечу и увел остальных младших прочь из места, где вот-вот должна была разыгаться сцена, не предназначенная для детских ушей. Уходя, он заботливо прикрыл дверь.

В зале остался лишь глава семьи. Он сидел в величественной позе, а за его спиной на подставке едва заметно подрагивало золотое кольчатое лезвие его сабли, словно оно не могло дождаться момента, когда хозяин пустит его в дело.

Фу Сиянь сглотнул. Предчувствие было... не из лучших.

Он нервно переступил с ноги на ногу и попытался придать голосу твердости:

— Я лишь следую воле императора! — Он мысленно подчеркнул эти слова. Это был идеальный политический аргумент.

Фу Фу посмотрел на сына, который с малых лет отличался странностями, и внезапно вздохнул. Говорят, дети — это кармический долг, но почему ему достался такой неподъемный кредит?

— Ты думаешь, император, как и ты, делает что-то просто ради забавы? — медленно произнес он. — Еще до того, как указ был оглашен, он наверняка переманил на свою сторону множество людей. Пока великие кланы рыдают на людях, они за спиной скупают земли в Лояне и пакуют чемоданы. То, что мы не получили вестей заранее, значит лишь одно: наша семья сейчас ничего не значит! Если ты хочешь остаться в Хаоцзине «сторожить особняк», сначала убедись, что нам вообще позволят перебраться в Лоян.

— Так почему бы тебе не поднапрячься? — проворчал Фу Сиянь под нос. — Вечно твердишь, что я ни на что не годен, а сам ведь тоже та еще «соленая рыба».

Граф глубоко вдохнул, сдерживая ярость:

— Подойди сюда.

Сын отступил, протестующе бормоча:

— Вот видишь! Называешь себя деятельным, а чтобы побить сына, требуешь, чтобы я сам подставился.

...Терпеть.

Нужно терпеть.

Даже такой оболтус — всё-таки сын!

Фу Фу выдавил улыбку:

— Подойди... я не трону тебя.

Сиянь перевел взгляд с оружия на родителя и обратно.

— Кто врет, тот раздастся вширь на десять цзиней!

Терпение отца окончательно лопнуло:

— Ты на себя-то посмотри! В кого ты превратился? С самого детства от тебя ни слова правды не дожدهшься!

Четвертый замер. Бить нельзя, оскорблять нельзя, а тыкать в больное место — тем более! Ты плохой отец!

— Я толстый не по своей воле! — обиженно воскликнул он.

И впрямь, это было странно. Все в их роду были подтянутыми, и лишь он один при рождении весил двенадцать цзиней. Мальчик был круглым, как шар, и с тех пор так и не «сдулся». В детстве это казалось милым, но к подростковому возрасту стало пугающим.

С пяти лет он честно пытался похудеть. Пробовал спорт, лекарства, голодание, даже неделю хранил обет молчания... Восемь лет борьбы принесли лишь разочарование: плоть нарастала, словно награда за мучения. В тот день, когда его вес перевалил за две сотни цзиней, он окончательно сдался и «лег на дно».

Отец тоже вспомнил, как Сиянь, будучи совсем крохой, вставал до рассвета, чтобы растряссти жирок — то есть, побегать. В сердце Фу Фу шевельнулась тень жалости.

— Старина Четвертый... — позвал он.

Фу Сиянь вздрогнул. Когда его так называли, ему сразу представлялся образ замученного работой принца из прошлой жизни.

— Отец, давай начистоту. К чему эти ласковые речи перед экзекуцией?

Лицо графа дернулось:

— В этой жизни путь ученого или воина — не единственные возможности.

Сиянь застыл, а затем его лицо исказил ужас:

— Неужели ты хочешь, чтобы я вступил в брак по расчету?!

— Чтобы породниться, нужны союзники, а не враги, — Фу Фу окинул взглядом белое пухлое лицо сына. Каким бы широким ни было это «блюдо», два черных глаза на нем сверкали, подобно драгоценным жемчужинам. Он невольно вспомнил красавицу-мать мальчика. В детстве черты Четвертого явно напоминали её облик. Не будь он таким... объемным и мягким, сваты наверняка бы порог их дома оббили.

Какая жалость.

Отец покачал головой, отгоняя несбыточные мечты:

— Нужно найти семью, которая согласится на это добровольно.

Он так погрузился в свои мысли, что не заметил, как лицо юноши напротив потемнело от негодования.

— Отец, откуда тебе знать, что никто не захочет? — пылко возразил Фу Сиянь. Раз уж Ян-гуйфэй смогла пленить сердца правителей, почему он не может?

Фу Фу презрительно хмыкнул:

— Говорят: «жену ищут за добродетель, а не за красу; мужа — за сердце, а не за кошель». Какая девица в здравом уме захочет пойти за ленивого бездельника, чей предел мечтаний — лежать на боку?

Это было уже слишком. Сиянь лихорадочно соображал, и наконец, выпятив грудь, выдал последний аргумент:

— Но ведь я добродетелен!

Фу Фу лишился дара речи.

<http://bllate.org/book/15317/1354465>